

П.В. Владимиров

**Введение в историю Русской
словесности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.В. Владимиров**
Введение в историю Русской словесности / П.В. Владимиров – М.: Книга
по Требованию, 2016. – 284 с.

ISBN 978-5-517-98336-7

Из лекций и исследований П.В. Владимирова.

ISBN 978-5-517-98336-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
I. Общее понятие о предметѣ и исторія его разработки. Источники и пособія, преимущественно по русской народной словесности и древне-русской литературѣ. Дѣленіе исторіи рус- ской словесности на періоды.	3
II. Древнѣйшій (до—христіанскій) періодъ въ жизни рус- скаго народа и отраженіе его въ преданіяхъ, языкѣ и въ народ- ной поэзіи. Язычество и христіанство	30
III. Русская народная поэзія и ея древнѣйшія основы	52
IV. Русскіе народные обряды и обрядовыя пѣсни. Ихъ про- исхожденіе, развитіе и главныя явленія.	67
1. Коляда, Святки и Васильевъ вечеръ	77
2. Масляница	87
3. Встрѣча весны: великій четвергъ, Пасха—Великъ день, Омина недѣля, Красная Горка, Радунца, Егорьевъ—день.	88
4. Русальная, зеленая недѣля, Семикъ и Троица	93
5. Купало, Ярило, Кострома, Кострубонька	96
6. Обряды и пѣсни живыные,—дожинки	105
7. Свадебные обряды и пѣсни	108
8. Похоронные обряды и пѣсни	118

II

V. Русскіе народныя заговоры.	122
VI. Русскія народныя загадки	128
VII. Русскія народныя пословицы	132
VIII. Русскія народныя сказки	137
IX. Русскій богатырскій эпосъ (Быльны или старины о бо- гатыряхъ)	186
Дополненія (къ пяти первымъ главамъ).	247

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Начало настоящей книги появилось въ печати въ 1895 году въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (январь, апрѣль, іюнь),—отчасти какъ переработка университетскихъ лекцій, читанныхъ мною съ 1888 г., отчасти какъ обобщеніе частныхъ изслѣдованій по изученію русской народной словесности, предпринятыхъ еще въ 70-хъ годахъ. Продолженіе книги, являющееся здѣсь впервые вмѣстѣ съ обширными дополненіями къ первымъ семи главамъ Введенія, основано на самостоятельномъ изученіи все болѣе и болѣе накапливающагося громаднаго сырого матеріала по изданіямъ русской народной словесности и—на научномъ изученіи ея въ многочисленныхъ, разнообразныхъ и цѣнныхъ трудахъ.

Соединивъ въ настоящемъ Введеніи въ Исторію Русской Словесности общія замѣчанія о предметѣ и его литературѣ съ изложеніемъ русской народной словесности въ ея основныхъ древнихъ элементахъ и формахъ, связанныхъ съ древнѣйшимъ періодомъ въ исторіи русской словесности, я имѣлъ въ виду удовлетворить давно назрѣвшей потребности разобратъся въ богатой—какъ по количеству, такъ и по качеству научныхъ трудовъ—литературѣ по русской народной поэзи.

Въ русской наукѣ съ давнихъ поръ мы видимъ два противоположныхъ взгляда на значеніе и происхожденіе русской народной словесности. По одному взгляду—русская народная словесность не представляетъ особеннаго интереса въ исторіи древне-русской литературы, такъ какъ почти до настоящаго вѣка эти двѣ области были разъединены. Словесность и Письменность имѣли свои отдѣльные теченія. Устная народная словесность постоянно измѣнялась, какъ по формѣ такъ и по содержанію. Отсюда ея древность сомнительна, сомнительна и ея самобытность. И настоящее мѣсто русской народной словесности въ исторіи русской литературы между XVIII и XIX вѣками. Послѣдователи этого взгляда указываютъ на отсутствіе древнихъ записей и обработокъ русской народной поэзіи (въ родѣ западно-европейскихъ средневѣковыхъ обработокъ), на новыя явленія въ ней, на заимствованія изъ книжной литературы. Эти скептики въ изученіи русской народной словесности указываютъ также на крайнее увлеченіе русскихъ миеологовъ 50—70 годовъ, относившихъ безъ разбору всѣ явленія русской народной словесности къ пра-арійской древности. Блестящая критика этой шаткой миеологической теоріи, не принимавшей во вниманіе явленій исторіи, быта и литературы, со стороны послѣдователей теоріи литературнаго заимствованія поддерживаетъ скептицизмъ.

По другому взгляду русская народная словесность, какъ и русскій языкъ въ его разнообразныхъ нарѣчійхъ и говорахъ, восходитъ къ древности, далеко превосходящей дошедшую до насъ русскую письменность, входившую нерѣдко въ общеніе съ устной народной словесностью не только въ такихъ поэтическихъ памятникахъ, какъ Слово о Полку Игоревѣ, Задонщина,

но и въ лѣтописяхъ, въ поучительной литературѣ (въ словахъ, поученіяхъ, житіяхъ), и проч. Какъ историкъ русскаго языка извлекаетъ данныя изъ старыхъ русскіхъ памятниковъ, списанныхъ съ иноземныхъ славянскихъ оригиналовъ, изъ памятниковъ подражательныхъ, пользуясь широкимъ изученіемъ живыхъ народныхъ говоровъ, выдѣляя и изъ послѣднихъ замѣчательныя черты древности, такъ и историкъ русской литературы можетъ извлечь не мало данныхъ изъ древнерусскихъ памятниковъ и изъ богатой еще устной народной словесности, которая освѣщаютъ древность русскаго поэтическаго языка, преданій и почти всѣхъ существующихъ разновидностей русской народной поэзи. По этому взгляду русская народная словесность, какъ и самый бытъ русскаго народа, отличается еще замѣчательной архаичностью, исчезающей уже во многихъ мѣстахъ. Русскій народъ на нашихъ глазахъ переживаетъ свое средневѣковье, свою живучую старину.

Вопросы—о древности хотя бы нѣкоторыхъ явленій въ области русской народной словесности, о ея вліяніи на древне-русскую литературу, отъ XI до XVII ст., о сохраненіи въ послѣдней русской старины и народности, представляютъ и глубокой интересъ и немаловажное значеніе для освѣщенія начальнаго періода въ исторіи русской литературы. Если мы вычеркнемъ съ первыхъ страницъ исторіи русской литературы народную словесность въ ея основныхъ формахъ, то мы лишимъ исторію древнерусской литературы ея самаго живого элемента, ея живого духа, и останемся при подражательныхъ формахъ. Признавая же въ древнерусской литературѣ эту народную живую струю, мы уже въ виду удобства изложенія должны объединить эти народные элементы хотя бы въ формѣ Введенія въ Исторію русской словесности.

Скептицизмъ по отношенію къ древности устной народной поэзіи русскаго народа долженъ былъ бы распространиться и на древнѣйшія сочиненія русскихъ писателей XI—XII вв., дошедшихъ до насъ въ позднихъ спискахъ. Такъ сочиненія Луки Жидяты, а отчасти и м. Иларіона, Θεодосія Печерскаго и др. пришлось бы разсматривать въ XVI вѣкѣ, а Слово о Полку Игоревѣ или въ XVI же вѣкѣ, или сообразно съ временемъ перваго изданія въ 1800 г.—Мы не можемъ утверждать, что до насъ дошли всѣ памятники древнерусской литературы что въ большинствѣ дошедшихъ до насъ памятниковъ нѣтъ слѣдовъ русской народной словесности; поэтому безъ изученія послѣдней не мыслимо изученіе древнерусской литературы. Если даже собрать по памятникамъ все это разрозненное, отрывочное, то нельзя обойтись безъ объясненія его живой народной стариной и всего удобнѣе объединить это изученіе въ цѣльномъ изложеніи древнихъ формъ и элементовъ русской народной словесности. Есть много основаній и въ самой исторіи русскаго народа, въ замѣчательной живучести русской народной поэзіи, чтобы отвести первое мѣсто въ изложеніи предмета этой живой старинѣ.

12 Іюня 1896 года,
деревня Малютинка.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ИСТОРИЮ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ¹⁾.

I.

Общее понятіе о предметѣ и исторія его разработки.—Источники и пособія, преимущественно по русской народной словесности и древне-русской литературѣ.—
Дѣленіе исторіи русской словесности на періоды.

Прежде чѣмъ говорить о древнѣйшихъ начальныхъ явленіяхъ русской словесности, какъ-то, о русскомъ народѣ и его словѣ-языкѣ, о древнѣйшихъ національныхъ преданіяхъ и особенно о русской народной поэзіи въ ея древнѣйшихъ чертахъ, что уже признано необходимымъ введеніемъ въ исторію русской словесности (сошлюсь, напримѣръ, на извѣстную рецензію покойнаго акад. Н. С. Тихонравова на „Исторію русской словесности“ А. Д. Галахова),—я считаю необходимымъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній о самомъ предметѣ исторіи русской словесности, отвѣтить на вопросы, которые сами собой представляются при изложеніи предмета.

Что такое исторія русской словесности, или литературы, какъ предметъ науки, каковы задачи и приемы ея изученія, источники и пособія? Какъ удобнѣе раздѣлить обширный и разнообразный предметъ изученія?

¹⁾ Изъ лекцій по исторіи русской словесности (общій курсъ), читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра, съ 1888 г. по настоящій годъ. Издавая въ печати часть курса (введеніе и русскую народную поэзію), я имѣлъ въ виду восполнить недостатки слатаго и неполнаго изложенія этихъ отдѣловъ въ извѣстныхъ лучшихъ пособіяхъ по исторіи русской литературы — Галахова и Порфирьева. Подробная бібліографія составитъ особый отдѣлъ къ начатому труду, и потому въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ указаны только нѣкоторыя изслѣдованія и изданія.
(Примѣч. автора).

Научное понятіе объ исторіи русской литературы связано съ представленіемъ объ исторіи всеобщей литературы, какъ оно вырабаталось постепенно, сравнительно съ недавняго времени, путемъ измѣненія объема, содержанія науки и методовъ ея изученія.

Общепотребительное теперь названіе—исторія литературы—появилось впервые во второй половинѣ XVII вѣка, въ трудѣ извѣстнаго библіографа Ламбека „*Prodromus historiae literariae*“, 1659 г. ¹⁾. Но представленіе Ламбека о литературѣ, какъ и въ предшествующее время, не отличалось опредѣленностью: понятіе о литературѣ сливалось съ понятіемъ о письменности вообще,—о всемъ, что только было закрѣплено письменами, начертанными буквами. Такимъ образомъ подъ понятіе о литературѣ подходили памятники законодательные, судебные акты, медицинскія руководства, и. п. И позднѣе Ламбека продолжало господствовать такое представленіе объ исторіи литературы, при чемъ факты излагались безъ внутренней связи, безъ всякой критики, а произведенія литературы рассматривались съ чисто внѣшней точки зрѣнія по правиламъ штилькъ и риторикъ. Точно также и біографическія данныя о писателяхъ отличались нерѣдко собраніемъ нецѣлостей и куріозовъ. Историческіе обзоры литературы этого времени являлись часто простыми каталогами писателей и ихъ произведеній, или внѣшними обзорами всего писаннаго (*rep. literaria*), преимущественно книгъ, исторіями и перечетами книгъ. Только со второй половины прошлаго столѣтія появилось критическое изученіе литературныхъ памятниковъ, памятниковъ поэтическаго творчества и той прозы, за которой было признано извѣстное художественное достоинство, при чемъ смѣнилось нѣсколько направлений; главнѣйшія изъ нихъ до настоящаго времени слѣдующія: эстетическое, историческое, филологическое и въ самое послѣднее время сравнительно-историческое и психологическое. Это научное направленіе въ изученіи исторіи литературы явилось результатомъ увлеченія съ одной стороны классическою литературой, съ другой — средневѣковою стариною, народной словесностью разныхъ народовъ. Первое выразилось въ такъ называемомъ классическомъ направленіи литературы, второе— въ романтическомъ направленіи. Въ это время изъ общей массы памятниковъ письменности выдѣлены были избранные памятники ху-

¹⁾ Хотя зачатки литературной критики можно возводить и къ болѣе раннему времени. Таковы, напримѣръ, сочиненія Скалигера (франц. XVI вѣка.), Коврада Гесснера и др.

дожественнаго творчества, преимущественно поэтическіе памятники, относящіеся къ области эпопеи, лирики и драмы. Это была историко-художественная критика, или эстетическая, задававшаяся цѣлью изученія прогресса художественнаго творчества во всеобщей литературѣ.

Эстетическая критика, явившаяся результатомъ этого увлеченія, была также далека еще отъ собственно историческаго направленія. Она основывалась на внѣшней оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, безъ всякаго отношенія ихъ ко времени; для нея существовали только выдающіяся произведенія по формѣ и содержанію и выдающіяся личности писателей. Изложеніе эстетическихъ взглядовъ было чисто субъективное. Эстетика не останавливалась на произведеніяхъ, относящихся къ интереснымъ моментамъ зарожденія и развитія литературныхъ явленій и направленій; она относила подобныя произведенія къ области неинтересныхъ, нехудожественныхъ произведеній. Но при всемъ томъ эстетическое направленіе вело къ сравненію литературныхъ произведевій, указывало на исторію поэтическаго творчества, и съ этой стороны оно прилагается, съ нѣкоторыми измѣненіями, къ изученію литературы и до настоящаго времени. Въ нашей литературѣ выдающимся представителемъ эстетической критики является извѣстный критикъ 30—40 годовъ Бѣлинскій.

Болѣе плодотворнымъ для науки исторіи литературы явилось историческое направленіе, съ появленіемъ котораго собственно и начинается только настоящая исторія литературы. Сначала, конечно, и это направленіе не отрицало строгой научности: первые послѣдователи этого направленія ставили на первый планъ исторію народа, даже внѣшнюю, и старались смѣной историческихъ явленій (напримѣръ, внѣшними политическими событіями) объяснять развитіе литературы. Долгое время на литературу смотрѣли, какъ на выраженіе дѣйствительной жизни; литературныя произведенія приравнивали къ обыкновеннымъ историческимъ источникамъ, забывая объ идейномъ содержаніи литературы. Въ настоящее время исторія литературы разсматривается какъ независимая, самостоятельная область среди историческихъ наукъ. Съ этой точки зрѣнія не отрицается связь литературы съ исторіей эпохъ, съ внутренними историческими событіями въ жизни народа; но на первый планъ ставятся литературныя явленія и направленія, и не одобряется чрезмѣрное приковываніе исторіи литературы къ исторіи внѣшней дѣйствительности. Такимъ образомъ памятники литературы, съ точки зрѣнія историческаго направленія, разсматриваются въ тѣсной связи со всѣми ихъ отношеніями къ историче-

ской жизни, къ литературнымъ преданіямъ и направленіямъ, къ личной судьбѣ и творчеству писателя, къ его жизни и обстановкѣ, вообще въ связи съ условіями народной, общественной и частной жизни. Въ иностранной литературѣ выдающимися представителями этого направленія являются Гервинусъ (Исторія нѣмецкой поэзіи), Геттнеръ (Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка), Тэнъ (Исторія англійской литературы) и друг.; у насъ — авторы различныхъ историко-литературныхъ монографій, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Историческое направленіе, въ связи съ филологическимъ, сравнительнымъ и психологическимъ, остается господствующимъ и до настоящаго времени.

Филологическое направленіе въ изученіи исторіи литературы явилось подъ вліяніемъ изученія памятниковъ средневѣковой литературы. Съ филологической точки зрѣнія изслѣдуются тексты литературныхъ памятниковъ, при чемъ обращается особенное вниманіе на рукописи: съ этой же точки зрѣнія изучаются переводы, переработки, извлеченія и т. п., при чемъ особенное вниманіе обращается на источники, на языкъ литературныхъ произведеній, на время и мѣсто происхожденія памятниковъ, на личности авторовъ въ самой полной обстановкѣ. Съ историко-филологической точки зрѣнія каждое произведеніе, каждый авторъ изучаются только въ связи съ временемъ; критикъ долженъ поставить себя на точку зрѣнія изучаемаго автора, судить объ его образѣ мыслей, понятійхъ и чувствованійхъ по тому, какъ они проявлялись въ самомъ авторѣ и какое впечатлѣніе производили на его современниковъ. Такой объективный приѣмъ историко-филологической критики совершенно противоположенъ эстетической критикѣ. Историческая критика соединяется въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ съ сравнительнымъ методомъ; при чемъ при изученіи, напримѣръ, народной словесности къ сравненію привлекаются словесныя произведенія всего человѣчества, та широкая область изученія, которая теперь носитъ названіе фолклора. Сравнительный методъ находитъ примѣненіе и при изученіи литературныхъ произведеній; но до сихъ поръ прилагается всего болѣе къ изученію средневѣковой христіанской литературы.

Въ послѣднее время къ изученію преимущественно новой европейской литературы прилагается еще психологическій методъ, задача котораго заключается въ опредѣленіи условій происхожденія художественнаго, въ частности поэтическаго творчества. Съ психологической точки зрѣнія можно изучать постепенное развитіе художественныхъ